

МЕСЯЦ МЕТЕЛЕЙ

РАССКАЗ

На дворе стоял январь, а снегу чуть. Боялись за озимые — вымерзнут. Старики говорили — зима еще себя покажет, погодите. Но в это не верилось.

Завернул в аул февраль. Откуда мороз, откуда и снег взялся, лег на поля толстой периной. Теперь озимым тепло, а вот скотине совсем худо: снег — не сено, жевать его не будешь. Совсем не спится Ахмеду Абубекировичу. Да разве только ему? С кормами и в остальных колхозах не густо. А окот есть скот, он не хочет знать, есть ли корма или их нет — корми, и все тут.

Еще потемну встал Ахмед Абубекирович, не умылся, не позавтракал, вышел из дому. Куда председателю идти — каждый понимает. Явился на колхозный двор, обошел и осмотрел. Все в порядке, а душа не на месте. Сунув руки в карманы, зашагал в свой кабинет. На пороге сторож Долэт, будто языка лишился — молча смотрит на председателя.

Не сразу у того ответ нашелся.

— Доброе утро, Ахмед,— пожимая протянутую руку, наконец, ответил тот. — Рано пришел. Ехать собрался? Позвать шофера?

— Не надо, Долэт.

— Э, люди спят, а ты ходишь.

— Сам знаешь: сон крепок, когда нет забот.

— А какие заботы за тобой бегают, председатель?

— Какой ты недогадливый, Долэт. У тебя коровы не мычат, овцы не блеют, а у председателя сколько ферм?

— Сколько у председателя, столько и у колхозника Долэта,— важно отметил сторож.

— Вот и должны мои заботы быть и твоими, Долэт. А ты — «какие заботы за тобой бегают, председатель?»

В кабинете Ахмед остановился перед плакатом с обязательствами колхоза по животноводству. Цифры, цифры, да все большие.

Долго смотрел Ахмед: эх и не легко будет достичь этих больших цифр!

Зазвонил телефон. Передавали телефонограмму:

«Абубекирову. Завтра, десятого февраля, быть в Ставрополе».

Надо ехать, а на сердце невесело. Ко всему еще поднялся ветер, разыгралась метель. Мчатся снежинки, сливаются в белесые потоки, толкутся у окна, мечутся бесприютно. Смотрит на них Ахмед, силится думать о чем-то другом, а не может. Снег... снег... Еще этого не хватало!.. А фермы ждут сена. Где его взять? Скирды наперечет, да и те к концу подходят. Силосные ямы заметают, сугробы над ними.

У самого председателя мысли толкутся в голове и все о том же — о сене, о соломе, о силосе, о зернофураже. Хорошо, что вскоре пришел Батоков, заместитель председателя. Договорились послать на помощь чабанам сакманщиков и подсобных рабочих. Еще раз подсчитали наличие кормов, решили выделить сено лишь стельным коровам и суягным овцам, остальное поголовье содержать на силосе и соломе, выдавать корма строго по норме. Отказаться пока от соломенной подстилки коровам.

Закурив, оба долго Молчали. С тяжелым сердцем уехал председатель в Ставрополь. Февраль — месяц метелей.

* * *

Вечером на партийном собрании заслушали главного зоотехника. Всех коммунистов закрепили за фермами. На самые трудные участки были посланы

секретарь парторганизации Ногаев, председатель сельского Совета Насипова Куна, зоотехник Васильев и заместитель председателя колхоза Батоков.

Главное — доставка сена: дороги так занесли, что добраться до него невозможно. Пробовали расчистить дорогу, да лопатами что сделаешь, а тракторов мало и те на ремонте. Вышло как по пословице: «Пришла беда — открывай ворота». А на ферме на краю аула коровы мычат у пустых кормушек.

То и дело поглядывают Батанов и Ногаев на окно — не улеглась ли метель? Да где там. Пуше прежнего сыплет снегом, гонит и крутит, прилечь ему не дает.

Отведут глаза Батоков и Ногаев, да не надолго: снова в какой раз смотрят в окно — за ним кутерьма. Опять отвели глаза и встретились с глазами Каримова. Каждый про себя подумал: «Этому парню всегда, видно, весело». Уж больно глаза у Каримова блестели озорством ли, смехом ли? Хочет он что-то сказать, а первым в разговор не вступает.

— Что думает комсомол? — начал тогда Батоков Хамид.

— Ехать надо, — выпалил парень.

Переглянулись после этих слов Батоков и Ногаев. Легко сказать — ехать, когда сидишь в теплой хате.

— Запрягать лошадей, — упрямо настаивает Каримов. — Ехать до совхозных скирд, они ближе к аулу.

«А дельно говорит парень, — подумали Батоков и Ногаев. — Только без разрешения директора совхоза нельзя брать, похоже на воровство. Хотя какое же это воровство? Выручать надо».

— Я поеду к директору совхоза, — сказал Батоков, — а ты, Каримов, с ребятами бери десять подвод, добирайтесь до тех скирд.

В поле и за десять шагов ничего не разглядеть: снег под ногами, снег в воздухе. Одна за другой, прямо впритык идут подводы.

— Эй, вы, полярники, живые? — время от времени кричит с передней подводы Каримов.

— Живые-е-е, — доносились сквозь порывы ветра ребячьи голоса и

заглушались свистом и воем ветра.

Ехали долго. Лошади побелели, словно на них надеты маскхалаты.

Вот и скирды, занесенные снегом, а рядом белая копна. Но у копны вдруг открылась дверца и показалась голова Батокова.

— Договорился с директором, накладывайте сено на подводы!

Одно дело сложить воз сена в тихую погоду. Кто этого не делает? А попробуйте вот сейчас, когда осатаневший ветер валит с ног!

Из сил выбились ребята вместе с Каримовым, пока сложили сено на подводы, туго перетянули веревкой. Впереди двигался «газик», обоз сена — за ним, да где коням успеть за машиной! А тут еще кони послабее начали отставать, подводы растягивались одна от другой.

Едва обоз спустился в лощину, как метель разыгралась пуше прежнего. Молодые возчики все, как один, спешили и, держа вожжи в руках, шли рядом с лошадьми. Наступил вечер. Еще гуще стала тьма. Продвигаться с каждым шагом труднее. Лошади судорожно поводят боками, из ноздрей пар валит.

Спихватились Батоков с шофером, да поздно: след «газика» замело, отыскать обоз по следу невозможно. Тогда оба они, напрягая горло, начали кричать: «Каримов!» Да разве можно что-либо услышать в шуме и вое метели? Охваченные тревогой за ребят, они включили фары и снова пустились на поиски,

«И-и-мов!» — послышалось молодым возчикам. Обоз остановился. Еще крик сквозь вой и свист.

Разом, во все глотки закричали в ответ, возчики.

Снежную мглу прорезали два мутных пятна. Вот они ближе.

— Машина! — заорал Каримов.

Обрадованные встречей, его поддержали своим криком остальные.

У подъехавшей белой копны снова открылась дверца и показалась голова Батокова.

— Отпрягите лошадей, они сами доберутся до аула, — приказал он возчикам. — А тремя рейсами вывезем вас на нашем вездеходе.

Но уставшие лошади не спешили в аул, они прижимались к подводам с подветренной стороны, не уходили от людей.

— Пусть подкормятся и отдохнут,— загалдели ребята.— А там, гляди, дотянем и сено до фермы!

Метель не стихала. Ребята сбились к лошадям, отогревались вместе. А через час запрягли коней и медленно, подвода за подводой, тронулись за «газиком»-вездеходом.

Залепленные с ног до головы снегом, охрипшие от простуды, они в полночь подвезли сено к ферме.

— Эй, орлы! — обратился к ним Батоков,— Разрешаю всем вам завтра весь день отдыхать.

— Это почему, Хамид? — отозвался Каримов.— До рассвета еще далеко, выспимся.